

Читайте также первую книгу

Ромы Зверя
«ДОЖДИ-ПИСТОЛЕТЫ»

**КОМСОМОЛЬСКАЯ
ПРАВДА**

ГАЗЕТА • САЙТ • РАДИО

**РОМА
ЗВЕРЬ**

АВТОБИОГРАФИЯ

**СОЛНЦЕ
ЗА НАС**

МОСКВА
2017

УДК 785(470)
ББК 85.318(2)6
З-43

Оформление обложки и макета *С. Коваленко*

Фотографии автора на обложке *А. Корзов*

Литературный редактор *О. Гайдукова*

Зверь, Рома.

З-43 Солнце за нас / Рома Зверь. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 352 с. — (ЗВЕРИ. Книги легендарного солиста группы).

ISBN 978-5-699-99151-8

Рома Зверь — один из самых известных музыкантов в стране, который на протяжении пятнадцати лет является лидером и создателем группы ЗВЕРИ. Его песни давно стали хитами поколений, на его концерты приходят целыми семьями, он продолжает завоевывать новые вершины, доказывая, что является не только ярким музыкантом, талантливым фотографом, строгим режиссером, но и блестящим рассказчиком.

В этой книге читатель узнает всю историю группы ЗВЕРИ с самого начала: как искали первых музыкантов, через что пришлось пройти Роме, когда на него обрушилась первая лавина славы, как он встретил свою любовь. В книге «Солнце за нас» описываются все трудности первых гастролей, отношения между музыкантами, закулисные переживания и другие жизненные истории.

УДК 785(470)
ББК 85.318(2)6

© Зверь Р., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э»,
2017

ISBN 978-5-699-99151-8

ОГЛАВЛЕНИЕ

2000 год	6
2001 год	34
2002 год	74
2003 год	108
2004 год	134
2005 год	162
2006 год	186
2007 год	200
2008 год	222
2009 год	238
2010 год	256
2011 год	270
2012 год	278
2013 год	288
2014 год	298
2015 год	308
2016 год	322
Сейчас.....	343

2000

МОСКВА

ПЕРВАЯ ТАТУИРОВКА

МОСКОВСКАЯ ПОЭТЕССА

СТРОЙКА ЦЕРЕТЕЛИ

ЗНАКОМСТВО С ВОЙТИНСКИМ

КЛОПОВНИК НА ХАБАРОВСКОЙ

НАЧАЛО

ГИМН

МОСКВА

Выгрёбся я из автобуса. Суета какая-то, солнце светит, люди свои сумки вытаскивают — все приехали на рынок в «Лужники» (Стадион, часть Олимпийского комплекса в Москве, в котором в 90-х и начале 2000-х располагался вещевой рынок. — *Прим. ред.*). Еще когда уезжал из Таганрога, мы договорились встретиться с двоюродной сестрой Наташей на станции метро «Спортивная». Наташа пообещала: «Я тебя встречу возле метро у входа». Смотрю, все идут в одну сторону — к метро, наверное? Я за ними. Действительно, вышел к метро. А сестры нет. Жду-жду, решил позвонить. Через карточку в автомате, откуда у меня мобильник в те времена? Пока разобрался, где карточку купить, пока пришел в себя от толпы и поездки, прошло немало времени. И вот звоню.

- Рома, ты приехал?!
- Да, стою у «Спортивной».
- Но я тебя не вижу! Ты у какого выхода?

И до меня вдруг доходит, что у метро бывает два выхода. Откуда я знал, что такое возможно? Ладно, пошел искать другой. Там мы и встретились. Спустились вниз

и поехали до «Щукинской», где Наташа жила в съемной квартире. Как дела, ля-ля тополя. Разговор шел больше про ее дела, о себе мне говорить не хотелось. От метро до дома добрались пешком, зашли в квартиру. Наташа говорит: «Бросай сумку, проходи на кухню. Есть будешь? А чаю?» И вдруг выходит здоровенный мужик. Здорово типа. И каким-то грустным этот мужик мне сразу показался: «Давай выпьем за приезд?» Ну давай! Так я познакомился с Сергеем, Наташиным мужем, ну, с гражданским. «Ну и чё, что будешь делать?» — «Поживу у вас месяц, может, два, пока работу не найду».

Нормальный мужик, не возражал. Он работал в авто-сервисе, ремонтировал машины. А Наташа была официанткой в сети ресторанов быстрого питания «Елки-палки». Я расселился, вечерком мы еще выпили, мне объяснили, что как и что куда. Дали карту города. На следующий день они ушли на работу, а я остался дома один. На полу в комнате валялась книга «Вся Москва», толстый телефонный справочник. И я в нем принялся искать какие-нибудь продюсерские центры, что-нибудь связанное с искусством. «Отдых», «Концерты», «Кафе», «Рестораны»... Я набирал номер и, когда абонент отвечал, говорил следующее: «Здравствуйте, я вот пишу песни, пою, хотел бы вам показать свои работы». Мне отвечали достаточно вежливо: «Перезвоните через неделю, сейчас никого нет».

Вот так по книге я и обзванивал, думал, что как-то можно встретиться, поговорить о чем-нибудь. И так прошло дня два-три. А еще у меня был телефон Валеры Полиенко, который мне дал Витя Бондарев (соавторы песен группы «Звери». — *Прим. ред.*), когда я уезжал из Таганрога. И я решил позвонить Валере.

— Алло, Валера, привет, это Рома из Таганрога. Помнишь?

— Конечно, помню.

- Я в Москве.
- В гости приехал?
- Да нет, я насовсем.
- Здóрово! Надо встретиться, давай через недельку созвонимся.

Я повесил трубку, а сам такой думаю: почему через недельку-то? Столько дел у Валеры? У нас в Таганроге принято так: если встретимся, значит, вечером. Ладно, если занят сильно человек, подожду. Продолжил обзвон по справочнику, съездил в город погулять.

Метро меня, конечно, поразило — куда же они все летят? Все эти переходы... Сначала очень тяжело было понять, запомнить, как оно устроено. Что такое «первый вагон», «последний вагон»? Это потом я уже разобрался, когда, назначая встречу, мне говорили «встречаемся у первого вагона в центр». Собачке на «Площади революции» нос не тер, но видел, как многие это делали. Ох уж эта городская мифология!

Конечно, я поехал на Красную площадь, зашел в «Охотный ряд». Вспомнил Свету (героиня первой части автобиографии «Дожди-пистолеты», которой посвящена одноименная песня группы «Звери». — *Прим. ред.*), как мы там фотографировались, когда приезжали в Москву. Мы же тогда, кроме «Охотного ряда» и Красной площади, ничего здесь не видели, не успели, нужно было на самолет. Не возникло у меня каких-то прям таких эмоций, вспомнилось и вспомнилось: вот я опять здесь. Здорово! Без негатива, голова-то уже совсем другим забита.

Стоишь, смотришь вокруг и оцениваешь: что у вас тут? Что у вас там? А вокруг что-то происходит, и тебе от этого кайфово — люди, Москва, Кремль... Приехал такой и высматривает что-то. То, как люди носятся, конечно, бросалось в глаза. Я стоял, а все куда-то бежали мимо. Интересно. Даже когда в метро заходишь, еще ничего

не знаешь, а все уверенно куда-то прут. Все всё знают. Ты смотришь на них и наблюдаешь. Медленно. Опять же карточку куда вставлять в этом турникете? Для начала ее нужно купить. Я видел, как люди подходят к кассе и говорят: «На десять». Что это значит? Оказалось, на десять поездок. Метро стоило пять рублей. Денег у меня с собой из Таганрога было немного, всего рублей семьсот. Я думал, вот, куплю сейчас карточку на десять поездок — и нету пятидесяти рублей. По городу идешь, лето, жарко, хочется пить. Воды или пива. Сигареты опять же. Побродил по городу после Красной площади, потом поехал на Чистые пруды. Я это место по телевизору видел. У меня в голове отпечаталась картинка этих прудов: бульвар, решетка кованая, как будто набережная. Мне казалось, там будут большие пруды. У меня был шок, когда я увидел просто лужу. Реально. Правда? Вот это оно и есть? А мне в кино каком-то запомнилось совершенно иначе. Я очень сильно удивился, немного огорчился. Так и не понял, почему это место называют прудами.

Прошло несколько дней. Через какое-то время меня, конечно же, стала останавливать милиция. По моему лицу было видно, что я приезжий. «Здравствуйте, ваши документы». Я показывал. «А где регистрация?» Так было несколько раз, а потом мне сделали регистрацию. Наташа сразу сказала: «Заплатим деньги, и у тебя будет бумажка на три месяца». Потом я ходил с этой бумажкой и паспортом, и проблем уже не возникало, конфликтов с милицией не было. А до этого пару раз забирали. Сидел в отделении. А что такого? Сидишь, сидишь, потом тебя отпускают.

ПЕРВАЯ ТАТУИРОВКА

У Наташиного гражданского мужа был друг Вова. Он делал Сереге татуировки. У Вовы имелся детский альбом с листочками А4, и там были эскизы, например, какие-нибудь корабли-парусники. И я что-то зацепился за этот его блокнотик, стал рассматривать рисунки — интересно же. Вова рассказал, что все они что-то означают. Менты, допустим, не любят кошачьих. Традиция — типа ненавижу ментов, я тигр, лев. А они это не любят, если попадешься им с такой татуировкой, а она к тому же еще и с оскалом, открытая пасть у кошки, допустим, то вообще несдобровать. Вова знает, незадолго до того «откинулся». Колоритная персона — весь в татуировках, в перстнях, в змеях, набитых вокруг рук, ноги тоже все наколоты. Про свое тюремное приключение в Таганроге я им не рассказывал, на фиг надо.

Вова говорит:

- Что, хочешь татуировку?
- Думаю, да, наверное.
- Давай сделаю!

Они такие парни веселые.

— Давай мы во всю спину тебе купола щас набьем, — шуткуют так.

— А если больно?

— Да нормально!

Я полистал альбомчик, нашел аиста небольшого и какой-то тоненький браслетик.

— Мне вот это нравится.

— Ты чё?! Эта бабская маленькая татуировочка?!

Может, Вова и женщинам бил, откуда мне знать?

— Да это херь вообще какая-то! Давай тебе вот эту сделаем! — и тычет пальцем в здоровенный такой обод. — Не большая, а нормальная.

— Черт с вами, давайте.

Он сел, срисовал картинку из альбома на тетрадном листочке. Щас, говорит, мылом тебе приклеим. Намылили чуть-чуть с водичкой, чтобы эта бумажка к руке прилипла. И Вова поверх бумажки начал бить по контуру самодельной машинкой. В ней была заточенная гитарная струна вместо иглы, которая ходит туда-сюда. Для дезинфекции водкой все протер. И начал бить. Дррррррррр — дырявит. Больно, но не так чтобы очень. Какая анестезия?! Ну, мы чего-то выпивали в процессе. Изредка заглядывал Серега — как вы там? Получился контур, и Вова начал заполнять его чернилами, зарисовывать. Вышло прикольно. Татуировка поболела какое-то время, я за ней ухаживал, Вова дал мне мазь. Он оставил у Сереги машинку, и я потом стал тренироваться сам. Решил попробовать на ноге. Да брось, что тут сложного! Ногу на ногу

кладешь — и вперед. Ну вот, смотри — это я сам себе набил. Чё ладно? Нарисовал какой-то узор, сначала несколько штрихов, потом стал ручкой дорисовывать гелевой. А дальше сидел и бил. Потом у Вовы спрашивал: «Ну как, нормально?» — «Нормально. А тут светловато, нужно затемнить». Мне просто было интересно, как рисует эта машинка, как она действует, трудно ли ею управлять. Место тут на ноге чувствительное, но другого-то нет, чтоб удобно было. Тем более не видно под штаниной. Волосы пришлось сбрить.

МОСКОВСКАЯ ПОЭТЕССА

Кроме номера Полиенко, Витя Бондарев дал мне телефон одной девушки. Звали ее Светлана. Витя учился вместе с ней на заочном отделении Литинститута имени Горького. Он сказал: «Если будет время, встретишься, она интересный человек, поболтаешь, передашь от меня привет». Думаю, дай-ка ей позвоню! Ну скучно же. Мы договорились с ней встретиться где-то на улице возле какого-то памятника. Я увидел очень худенькую девушку. Длинные курчавые волосы по жопу. Тонкие черты лица. Как и Бондарев, Света была поэтом. Московская поэтесса! «А как там Витя?.. А ты друг его?.. А что ты тут делаешь?.. Ой, да ты песни поешь!.. А я вот тоже стихи пишу...» И пригласила в гости на дачу.

Свете было лет двадцать, наверное. Очень общительная. Ее родители работали в префектуре Ярославского района. Или округа, как это у вас называется? Ее папа был там начальником какого-то детского клуба — кружки, бальные танцы, эстрада. Ну и мама в той же области. Интеллигентные люди. Была еще у Светы младшая сестра лет пятнадцати-шестнадцати. Дача у них за городом в сторону Балашихи по Горьковскому шоссе.

Я поехал к ним в гости. Познакомился со всеми и подумал: наверное, это и есть такая нормальная московская семья, прикольно.

- Вот это Роман.
- О, здрасте! А вы откуда?
- Я из Таганрога.
- Это же родина Чехова! Что вы делаете в Москве?
- Я приехал строить жизнь, петь песни.
- О!

Папа Светы играл на гитаре бардовские песни и еще написанные им самим юморные. И как-то я часто начал к ним в гости ездить. Мне же больше не с кем было общаться. Сначала у нас со Светой были только дружеские отношения. Но потом однажды это случилось. Внезапно. Просто ей было как-то одиноко, и не было молодого человека. Я тоже ничем никому не был обязан, никого не любил. Почему бы и нет? Это же приятно. Потребность была у нас, наверное. После этого мы точно так же общались, как если бы ничего не произошло. Без вопросов. Мы все время шутили, когда я приезжал к ней на дачу. Она жила там вместе с сестрой. Иногда я оставался ночевать. И вот они сидят на одной кровати, хохочут, а я на другой. Ха-ха-хи-хи. Вечером пожарили шашлык. Я пел Свете свои песни. Ну как она их могла оценить? Она же такая... воздушная поэтесса. «Ах, как всё это интересно...» Она читала свои стихи, тоже играла на гитаре, пела со своей сестричкой дуэтом веселые полубардовские песенки, немного дворовые. С этими девчонками было весело.